

Культура. — 2003. —
17-23 апр. — с. 5

Театр для радости

Неправдоподобная правда истории образца 1948 года

Наши мирные разговоры с режиссером Александром Славутским теперь все чаще прерываются его досадливым: «Вы там, в Москве...» Подтекст ясен — «с ума посходили!» Обидно, конечно. Но, когда приезжаешь в Казань (Славутский работает здесь 10 лет), да и не только в Казань — когда выезжаешь за пределы Москвы куда бы то ни было, — понимаешь, что мы «там, в Москве» и вправду живем, не чужа под собой страны. Как государство в государстве. Рвемся изо всех сухожилей, будто жизнь кончается завтра. Делаем из мухи слона. Всякий день переворачиваем театральные дома вверх тормашками, ловя кайф всего лишь от перестановки мебели, от запаха ремонта. Забыли, что аппетит — во имя здоровья — должен быть умеренным, ум — светлым, тщеславие — непошлым, а победа, особенно творческая, — радостной. Провинция (а для Москвы вся страна, увы, провинция) живет неспешнее — и душевнее. Театров меньше, и, значит, всем места хватит. Денег меньше тоже, и, значит, меньше искушений, которым подвержены мы «там, в Москве». В общем, как в «Трехгрошовой опере», одном из самых эффектных спектаклей Славутского: «Когда о теле никаких забот, то можно и подумать о душе». И есть в этом, помимо брехтовского сарказма, толика мудрости.

Спрашивать, хорошо или плохо живет Русский театр имени В.И. Кавалова в Казани, довольно глупо. Живет. Репетируют и играют каждый день, ездят на гастроли и фестивали (Славутский умеет договариваться), ищут современную пьесу, обсуждают макет и костюмы «Вишневого сада» (ближайшая премьера главного режиссера). Недавно отпраздновали юбилей старшей актрисы Галины Ишковой. Собираются отремонтировать фойе и строить Малую сцену (не без помощи властей, которые театр уважают). В 2005 году Казань отметит свое 1000-летие, и каваловцы обдумывают, как им вписаться в этот праздник. Два года назад Русскому театру исполнилось 210 лет. Он здесь такая же неотъемлемая часть пейзажа, как пешеходная улица Баумана, как отстроенный после пожара Русский ТЮЗ, отреставрированный железнодорожный вокзал, белокаменный кремль и сияющая голубыми минаретами новая мечеть на его территории. Население в Казани — около полутора миллионов, половина — русские. Живут мирно, как, кстати, и в Москве, где татарская диаспора традиционно велика. Смешанные браки по-прежнему случаются, привычка ходить в театр не утеряна.

У Русского театра мощная корневая система, грех было бы не гордиться: по этой сцене ступали Щепкин и Мочалов, Давыдов и Варламов, Савина и Стрелетова, Качалов и Комиссаржевская, Юрьев и Жаров, Царев, Астангов, Жизнева. Качаловский в шутку всегда называли в Казани филиалом Малого театра. В его советской истории были славные времена, когда даже Москва приезжала на премьеры. Были и годы уныния, безвременья. Сегодня в театре есть хозяин, и это ощутимо во всем, начиная с умного текста программки и кончая аншлагами. Помимо режиссерского таланта, Славутский, конечно, обладает умением заводить и смазывать такой непростой механизм, как театр-дом. Однако в его любви к театру-дому (который в Москве, на мой взгляд, явно входит в поло-

Сцена из спектакля «Скрипач на крыше»

су нового кризиса) нет идеализма. Объясняет он это просто: «А лучше-то ничего не придумали!»

Для него традиция — не ветхое шмотье. Школа и ремесло не выходят из моды. На их фундаменте можно строить самые причудливые современные здания-спектакли. Помня свое счастливое время в Чите и период несчастливо-максимализма в Ростове-на-Дону (Славутский ушел тогда, хлопнув дверью), здесь, в Казани, он не занимается корчеванием. Его волнуют планы и размах строительства. Собственные театральные корни он любит откровенно. Это угадываешь по его спектаклям: влияние вахтанговской школы с ее техническим блеском, культотом красоты и иронии, воспитание А. Гончарова, который любил «рассказать историю» и увлечь зрителя театром чувственным и страстным. Уже 35 лет Славутский «пашет» вместе с художником Александром Патраковым. И результаты этой «пахоты» всегда тщательны и многогранны, не выглядят дешево ни в каком смысле.

В Славутском много здравого смысла, но нет цинизма. Его спектакли интеллигентны, но сам он не сноб. Живя в городе, где театр все еще остается увлечением горожан, он не может и не хочет сбрасывать со счетов этот факт. Честолюбив, но каких-то принципов ни за что не отдаст. Для него, например, цель — заставить зал смеяться или плакать. Казалось бы, чего проще? Но для Москвы это сегодня трудно. Славутский не «дожимает» эмоций, а все время переключает регистры. Если зритель растроган, делает «ап!» и заставляет зал улыбнуться. Если зритель смеется, вдруг ушипнет его, да так, что слезы брызнут из глаз. Для Славутского театр — дело серьезное, но не скучное: может, и не воспитывает, но нравы смягчает. «Театр должен перестать мучить людей!» — уверяет он, объясняя мне, что театр, особенно сегодня, должен быть радостным. Вполне возможно, он прав. (Для москвичей перевожу: «перестать мучить» — не значит скакать по сцене козлом и показывать фокусы, а «радость», помимо животной и алчной, бывает высокой и светлой.)

Рано поседевший 55-летний

мужчина, Славутский все еще обольщается относительно булгаковской волшебной коробочки. Он ожидает от сцены чудес. Может поставить откровенно традиционный спектакль «Тайна дома Верные» по А. Кристи, где солируют его «старички» (Г. Ишкова, В. Кешнер, Ю. Федотов), но сделает из этого такой психологический детектив, что зритель до финала недоумевает, кто кого. Может решить «Тому Союера» в стиле кантри. Доказать, что простого серого забор (тот, что красили Том и его команда) — это невероятно живописная деталь, которую имеет смысл даже превратить в ритмическую ось спектакля. Он может ввести в «Пиковую даму» элементы триллера. Может придумать очень красивую «картинку» для «Трехгрошовой». Поднять Пантеру Брауна в воздух на вертолете. Может посадить на сцене «живой» оркестр. Или впустить в «Скрипача на крыше» настоящего скрипача (В. Губанов), чья рыдающая меланхолическая скрипка окрасит действие пронзительной лирикой. Славутский любит музыкальные спектакли, демократичный «жанр», лоялен к мюзиклу, хотя всегда «переводит» его на русский язык, язык драматической сцены. Над собственными музыкальными способностями сокрушается («Сам, увы, не пою; дурак, не научился играть на скрипке, хотя это была мечта отца»). Но, может быть, именно поэтому подобрал и воспитывал труппу, которая на удивление хорошо двигается и поет (хореограф С. Сентябов, хормейстер В. Харламов) и способна воплотить его тайные амбиции. Кстати, никогда не забывая, что вся эта движущаяся, дымящаяся, как лава, масса спектакля не должна отнять у зрителя главного — сопереживания и сочувствия.

Свои спектакли Славутский складывает, как матрешки, из нескольких сюжетов. Его «Скрипач на крыше» — это и трагикомедия «о том, как Тевье-молочник замуж дочерей выдавал», смешная, колоритная, с психологически точными пажами. Это и мелодрама, где любви не меньше пяти пудов, и всякой разной (не могу здесь не вспомнить молодых и прелестных актрис Н. Ешкилеву, Е. Ряшину, М. Шепелеву, Э. Фардеву, И. Вандышеву). И

это сверхсюжет, столь же национальный, сколь и общечеловеческий, — сюжет об искушении человека (нуждой, деньгами, разлукой, любовью), которое старый мудрец Тевье обсуждает со своим Богом. М. Галицкий ведет эту линию абсолютно без пафоса, но, обладая мощью, обаянием и доверительностью, я бы сказала, ульяновского типа, достигает трагических высот.

В «Пиковой даме» (в 1999 году она была показана в Москве, а ныне, сыгранная уже 100 раз, стала еще изящнее) также сюжет рифмуется, спорит с другим. Есть фантазмагория о трех картах, рожденная в недрах холодно-надменного петербургского маскарада. Есть нешуточная драма несостоявшейся любви Лизы (М. Шепелева) и Германа (К. Ярмолинцев). Режиссер буквально по фразе собирает по всей повести для этих героев два монолога, которые в финале они и выплескивают друг другу, избывая одиночество, сиротство, безнадежное томление по счастью. И есть в «Пиковой даме» третий сюжет, лирико-философский, — история о том, как убегает, как сыплется сквозь пальцы время. Его ведет С. Романов в роли Старой графини (недавно актриса получила за эту роль первую премию на фестивале «Камерата-транзит»). Изящная и красивая, актриса не просто отважно старит себя, технически виртуозно и остроумно играя капризную старуху. Ее Графиня — не просто бытовая старуха. Она Старуха, осколок Великой империи, золотого века, судьба и рок. Славутский не был бы собой, если бы в каждом спектакле не позволял себе эдакой лирической «запяттой», лирического сгущения воздуха. В «Скрипаче» — это любовный дуэт Тевье и Голды (Е. Галицкая). В «Пиковой даме» — сцена-греза о молодости Графини и Сен-Жермена (Г. Прятков). Славутский сентиментален, и слова о чувствах, похожих на красивые цветы, для него не пустой звук.

Название последней премьеры театра — «Американская шлюха, или Путешествие по России с папой-алкоголиком» — поначалу наверняка оттолкнет от него пуританов и привлечет любителей сладкого. (Видела же я своими глазами

И. Славутский — Эрвин Паркер, М. Шепелева — Соня Филиппова в спектакле «Американская шлюха»

в московском «Человеке» двух молодых людей, который явились на «Стриптиз» Мрожека за стриптизом.) На самом деле режиссер обвел вокруг пальца всех, пересоздавая старый (1990 года) сценарий И. Квирикадзе. История была написана по просьбе американцев, на волне интереса к перестроенной России. На мой взгляд, немного попахивала и конъюнктурой, и кичем. Сегодня бытовая актуальность, слава Богу, неактуальна, но вечной лирикой кажется история о любви русской девушки и американского солдата, сыгранная М. Шепелевой и И. Славутским со всем пылом чувственной юности. Для Славутского-старшего важно, что это история образца 1948 года, то есть любовь на фоне страны, в которой каждый из нас прожил часть жизни. В режиссерском эскизе той эпохи много исторически достоверных деталей, юмора и даже эксцентрики. Для режиссера принципиально, что история Квирикадзе — это сгущение вымышленных и реальных, смешных и горьких, страшных и нелепых обстоятельств, это неправдоподобная правда. Важен и избранный им документально-нейтральный тон разговора: вместо экзальтации по старым временам — его анализ, вместо пафоса разоблачения — избыточная печаль и горечь: вот так мы жили. С помощью актеров, точно воссоздающих типаж и характеры времени даже в эпизодических и маленьких ролях, с помощью тщательно продуманных костюмов и музыки, очень простого визуального решения режиссеру удается сгустить атмосферу реального времени и вызвать в нас акт его болезненного припоминания. Полупрозрачные покачивающиеся щиты; повторяющая падуги и кулисы, то сужают сцену до крупного плана, как в кино, то расширяют до общей панора-

мы. Сквозь них (то ли это пыльные окна поездов, то ли тронутые порчей старые зеркала?) и вспыхивает жаром наша память. Первомайская демонстрация под шелест бумажных цветов, детская елка, вокруг которой пляшут «зайцы» и «мишки», коридоры НКВД, по которым, как рыбы в аквариуме, бесшумно движутся офицеры, танцы под оркестр в «Метрополе», коммунальная кухня, где выпивают и шепчутся, провинциальный кинозал, где смотрят, плача, «Мост Ватерлоо». Из этих коротких и сумбурных всплесков памяти и возникает перед нами словно приснившаяся нам страна, нелепая, странная, трагическая, в которой человек был обречен вечно бежать, убегать, странствовать. Как убежали в свое время и родители Славутского, которым он и посвятил свой спектакль.

Пожалуй, «там, в Москве» спектакль такой чистоты и пронзительности сегодня вряд ли возник бы. Не мог быть и адекватно воспринят. Там сегодня отрадать и выказывать эмоциональное волнение не принято, неприлично. Хотя ведь как сладко было испытывать сильные чувства когда-то — на «Эшелоне» Г. Волчек, «Вдовьем пароходе» Г. Яновской, «Вагончике» К. Гинкаса... Однако провинция живет по-другому. А Славутский не стыдится придерживаться простой и животворящей идеи Шолом-Алейхема и его мудреца Тевье: если не думать об обычных, будешь ощущать себя так же неустойчиво, как скрипач на крыше, хотя бычаи и надо менять, но осторожно, умно. Главное — не забыть о любви к человеку, о том, что дети должны быть счастливы и жить в радость.

Наталья КАЗЬМИНА